

Беляев Владимир Александрович, Муртазина Лилия Робертовна

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ТРАНСМУТАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ В СЕКС-СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ И СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ

В статье обосновано, что преобладающий тренд в секс-семейно-брачных отношениях провинциального населения составляют трансмутационные процессы, не девальвирующие ценности брака, семьи, детей. Одновременно растет доля элементов коренной трансформации этих отношений как "выветривания" из них ценностной составляющей, как переход от ценностного типа таких отношений и практик к инструментальному, основанному на индивидуалистическом гедонизме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 26-30. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.33

Социологические науки

В статье обосновано, что преобладающий тренд в секс-семейно-брачных отношениях провинциального населения составляют трансмутационные процессы, не девальвирующие ценности брака, семьи, детей. Одновременно растет доля элементов коренной трансформации этих отношений как «выветривания» из них ценностной составляющей, как переход от ценностного типа таких отношений и практик к инструментальному, основанному на индивидуалистическом гедонизме.

Ключевые слова и фразы: трансмутация; трансформация; эмансипация; постсовременное/постмодерное общество; антисексуализм; просексуализм; гедонизм; практика *child-free*.

Беляев Владимир Александрович, д. полит. н., профессор

Казанский научно-исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ
vlad_belyaev@list.ru

Муртазина Лилия Робертовна, к. соц. н.

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
lliliya-2007@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ТРАНСМУТАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ В СЕКС-СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ И СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ[©]

Российское общество меняется одновременно во всех подсистемах и сферах общественной жизни. Характер и проявление этих изменений имеют разную направленность, интенсивность, глубину и масштабность. Этот факт объясняет многообразие точек зрения, позиций и мнений относительно оценки состояния и перспектив развития российских институтов семьи и брака. Однако все исследователи не отрицают обусловленность изменений институтов брака и семьи глобальными факторами, выражающимися в первую очередь в переходе развитых обществ из состояния современности в постсовременность.

Анализ теоретических подходов и особенностей постсовременного контекста преобразований в семейно-брачной сфере позволяет нам выдвинуть предположение о том, что изменения в брачно-семейной сфере провинциального российского населения и, в частности, населения Татарстана, можно охарактеризовать как преимущественно трансмутационные процессы [2, с. 37-40], или компенсирующие, поддерживающие и приспособляющиеся модификации конкретных практик и взаимодействий к окружающим условиям, радикально не меняющие институты брака и семьи в целом.

«Трансмутация» применительно к институтам брака и семьи отражает сущностные изменения, протекающие преимущественно внутри, на уровне повседневных взаимодействий индивидов в семейно-брачной и сексуальной сферах, непосредственно затрагивающие семейно-брачные и сексуальные практики, но не трансформирующие ценностно-нормативной основы семьи и брака. Наблюдаемые социологами факты выражаются в количественных колебаниях фиксируемых показателей, не приводящих к критически-качественному скачку или радикальному изменению институтов семьи и брака.

Придерживаясь методологической позиции диахронической перспективы, интерпретирующей социальную реальность как «поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа» [Там же, с. 27], охарактеризуем проявления различных форм трансмутаций.

Простые трансмутации соотносимы с репродуцированием традиционных форм семейно-брачных отношений, стремлением людей создавать семью и рожать детей, с их ориентацией на социальную и родительскую помощь, стереотипным восприятием распределения семейных и сексуальных ролей. Данный вид изменений прослеживается в известной консервативности брачных стратегий. А. Тоффлер выразил данную приверженность следующим образом: «Миллионы мужчин и женщин... не выбирают какой-то новаторский вариант семьи, а вступают в брак на традиционный манер...» [Цит. по: Там же, с. 209-210]. Как следует из контекста положений Тоффлера о браке и семье, в случае супружеских неудач люди, разводясь, вновь вступают в брак «на традиционный манер». В провинции сохраняется и ценность детей при изменении репродуктивных и родительских практик.

Расширенные трансмутации проявляются в распространении нетрадиционных форм организации семейно-брачной жизни, росте уровня разводимости, расширении внутрисемейного и внесемейного сексуального репертуара, возрастании значимости эмоционального фактора семейных отношений.

Посредством *сжимающих трансмутаций* охарактеризуем такие процессы, как снижение уровня брачности и рождаемости, уменьшение среднего брачного стажа, ослабление этнического и религиозного факторов выбора супруга, снижение родительского влияния, в целом влияния старшего поколения на семейные отношения и выбор брачного партнера, сужение функций семьи.

Доминирование трансмутационных процессов в провинциальных поселенческих структурах не означает отсутствия других видов изменений. Значимым фактором, обуславливающим направленность преобразований институтов семьи и брака, является эмансипация, которую мы отнесем к морфогенетическим изменениям. Пронизывающая все уровни семейно-брачных и сексуальных отношений эмансипация выражается в освобождении от стереотипного восприятия предопределенной природой или социумом гендерной предназначности, сексуальных возможностей и представляет индивидам набор альтернатив для конструирования личных биографий. Таким образом, эмансипация способствует качественным изменениям содержания и форм проявления сексуальных и семейных взаимоотношений.

Модификации, адаптирующие взаимодействия и брачно-семейные, сексуальные практики к окружающим условиям, протекают в пространстве постсовременного/постмодерного общества. Главными характеристиками общества постмодерна являются индивидуализм, возвышение личных потребностей и интересов над групповыми (общественными), что предопределяет предпочтительность для индивидов нуклеарной формы семейного устройства. Последняя рассматривается молодежью как среда реализации желания жить отдельно от родителей, формировать семейные отношения и конструировать жизненные стратегии, опираясь не на традиционные, транслируемые старшим поколением представления и модели поведения, а на конкретные ситуативные условия, личностные установки и возможности.

Одновременно с трансмутациями в семейно-брачных и сексуальных практиках и установках жителей России наметились элементы трансформации, под которой в исследовании понимается коренной качественный скачок, меняющий сущность этих практик и установок в силу замены соответствующих базовых ценностей новыми. По нашему мнению, в этих установках, идентичностях и практиках наметилось наличие трех основных нормативных типов (являющихся, несомненно, идеальными типами). Первый – антисексуализм, который мы трактуем как полное подчинение этих практик социальным нормам и общественно-государственному контролю. Второй – просексуализм, освобождающий людей от многих запретов и возвращающий им естественный смысл. Третий – гедонизм, характеризуемый как исключительная ориентация на личное удовольствие. На первый взгляд, эволюция сексуально-семейно-брачных практик идет путем либерализации, через трансформацию первого типа во второй, а из него – в третий, при этом, с аксиологической точки зрения, третий тип вроде бы означает возврат к первому, поскольку оба они основаны на инструментальном подходе к институтам и субъектам сексуально-семейно-брачных отношений, в противоположность второму типу, базирующемуся на ценностном подходе к названным феноменам. Однако первый тип зиждется не просто на инструментальном, а на инструментально-закрытом подходе к этим явлениям, а третий – характеризуется инструментально-релятивным подходом к ним. Кроме того, и сама смена типов отнюдь не так прямолинейна.

Первый тип, антисексуализм, воплощается в подходе к сексу, женщинам, браку и детям как к инструментам, средствам (источникам и ресурсам) достижения иных социальных целей: 1. в сексе он означает массу запретов (на аборт, контрацепцию, однополую любовь как не просто деликventное, а преступное деяние и др.). Его характеризует сексофобия, опирающаяся на представление о сексе как греховном занятии, закрытости (необсуждаемости) этой темы, на единообразии сексуальных практик и господстве внешней цели для последних, когда он используется лишь для репродукции детей; 2. в отношении к женщине данный подход выражается в сексизме, женщина как собственность мужчины предназначена лишь для выполнения домашних функций (репродукции, социализации детей, ведения домашнего хозяйства). Господствует жесткий двойной гендерный стандарт: женщина должна быть асексуальна, ей запрещена инициация любых отношений с мужчиной, зато мужчине разрешен половой плюрализм и (как минимум) латентная полигиния; 3. брак при таком подходе жестко регламентирован, основан на пожизненной моногамии, запрете разводов, закрытом брачном рынке, ставится ниже кровного родства, и его смысл и цель – лишь передача статуса наследникам или повышение статуса при женитьбе; 4. дети рассматриваются только как средство такой передачи статуса и собственности или инструмент обеспечения родителей в старости. Незаконнорожденные дети лишаются этих статусных функций. Поддерживают антисексуальный подход такие идеологические основы, как: а) патриархальный менталитет сельской общины (и ее реликты в современном селе и у старшего поколения, мигрировавшего в город); б) ценности монотеистических религий; в) частично – асексуальный коллективизм советской идеологии, еще не до конца утраченный; г) жесткие требования ряда новых культов и сект (ваххабитских и псевдохристианских).

Второй тип, просексуализм, выражается в субстанциональном подходе, в оценке субъектов и институтов сексуально-брачно-семейных отношений как самоценностей, что явно углубляет и очеловечивает эти отношения: 1. секс понимается как высшее проявление любви, уникальная ценность и высшее наслаждение; подавленная сексуальность освобождается, сексуальные отношения открываются, они отделяются от репродукции (контрацептивная и abortивная революции), растет терпимость к до-, без-, пара- и постбрачным связям, а однополая любовь переходит из разряда уголовных преступлений, минуя стадию обычной деликventности, в разряд негативной девиации; 2. в отношении к женщине происходит гендерная революция, включая эмансипацию женщины в виде надления ее гражданством и полной правосубъектностью, правами на труд, собственность, шансом самой строить свою биографию. Двойной половой стандарт смягчается, идет постепенное выравнивание требований; женщине позволено уже быть просексуальной, но не полигамной, за ней признается право на разнообразие брачных и сексуальных практик; 3. брак основан на открытом рынке при сохранении латентной полигамии, на романтической любви как рискованном

эмоциональном предприятии. Он признается более важным, чем кровное родство, и его заключение создает новую семью, тем самым расходятся понятия брака и семьи, секс начинает отделяться от брака, облегчаются разводы и снижается возраст вступления в брак; 4. любовь к детям как высшая ценность становится частью «невидимой религии», частью базовой аксиологии родителей. Дети частично эмансипируются, возникает социальная группа молодежи, дети отделяются от семьи в силу общественной социализации, внебрачные дети также наделяются гражданством и правосубъектностью. Стимулируют переход к ценностному подходу: а) модернизация общества в плане индустриализации, урбанизации и секуляризации; б) ценности Нового Завета и освоение опыта политеистических религий Востока; в) идеи классического либерализма, социализма, марксизма, классического феминизма и суфражизма.

Третий тип, гедонизм, характеризуется инструментально-релятивным подходом к институтам и субъектам секс-семейно-брачных практик, вновь лишая их самоценности, деперсонализируя аксиологию: 1. в отношении секса наблюдаются, на первый взгляд, разнонаправленные процессы: сужающие (трактовка секса как разновидности досуга, отделение его от любви, институционализация одноразового и коммерческого секса) и расширяющие секс-рынок (институционализация ЛГБТ-секса, перевод его из разряда девиации в норму и даже в паттерн); 2. в отношении женщины мы видим те же процессы: сужающие (отношение к женщине как к секс-игрушке) и расширяющие (радикальный феминизм, ориентированный на одномоментное выравнивание социальных и иных позиций полов и асексуальный по своей природе, ибо любая инициация отношений мужчиной трактуется как харрасмент). Названное выравнивание выражается в полном преодолении двойной половой морали, «женского стыда», в абсолютной полигамии обоих полов, институционализации экстенсивно-активного подхода к смене партнеров и их числу у женщин, полной легитимизации внебрачных практик и отмене почти всех запретов для женщин; 3. расширяющие процессы в отношении брака основаны на признании ЛГБТ-супружеств, нерегистрируемых браков; сужающие – в полном отделении секса от брака, развитии браков и разводов по расчету; 4. расширяющие процессы в отношении детей сводятся к признанию усыновления их ЛГБТ-парами и полной «эмансипации» детей со стороны ювенальной юстиции, а сужающие – в развитии практики *child-free*, сознательной бездетности. На деле и названные расширения, и сужения в гедонистических трактовках имеют одну природу и цель: они призваны расчеловечить отношения людей. К гедонизму подталкивают такие компоненты постсовременного общества и глобализации жизни, как: а) потеря социальных связей, аномия, жесткие требования рынка и конкуренции; б) левые политические силы (левые либералы, социалисты Запада); в) сами активисты ЛГБТ-движения своими парадами и *child-free*-групп в социальных сетях, открытая пропаганда этих ценностей на телевидении.

Казалось бы, можно видеть два вида трансформации, ибо переход от антисексуализма к просексуализму тоже качественно, радикально меняет семейно-брачную аксиологию. Однако он в основном осуществлялся в советское время и на современном этапе, даже в провинциальном обществе, весьма мирно сосуществуют ценности антисексуализма (в виде реликтов) и просексуализма (как господствующей аксиологии). Изменения в их соотношении, конечно, происходят (как и раньше), но сами по себе они на данном этапе не носят кардинального характера, меняющего суть секс-брачно-семейных отношений. Это – трансмутация. Другое дело – возникновение третьего типа практик, представляющего пока лишь элементы трансформации, но господствующего в средствах массовой информации и коммуникации. Они коренным образом ломают приращенную жителям России аксиологию и агрессивно внедряются в их сознание.

Проведенный в ходе опросов населения Набережных Челнов анализ внебрачных сексуальных практик и одновременных сексуальных отношений с несколькими партнерами наводит на следующие размышления:

- информация о наличии подобных сексуальных практик относится к самой интимной и закрытой сфере личного опыта; это приватное пространство сексуальной активности обычно тщательно охраняется человеком от посторонних;

- поддерживаемый общественным мнением стереотип экстенсивности мужского и интенсивности женского сексуального развития «подталкивает» мужчин преувеличивать свои сексуальные «достижения», а женщин – скрывать случаи своей сексуальной биографии;

- «двойная мораль», глубоко укоренившаяся в сознании взрослого поколения и оказывающая значительное влияние на установки и практики молодежи, нетерпима к женской сексуальной активности (согласимся с мнением М. Александера и Т. Фишера о том, что «на женщин традиционная мораль давит, безусловно, сильнее, чем на мужчин» [3, р. 27]);

- мотивы толерантности к супружеской измене, сексуальным связям с несколькими партнерами у молодежи и некоторой части лиц в старших возрастных группах неоднозначны: у первой это связано с романтическими, не обремененными повседневными заботами, психологическими и эмоциональными переживаниями; у вторых – длительным опытом жизни, в том числе брачным и внебрачным;

- значительное влияние на активизацию супружеских измен оказывает «падение кривой удовольствия» и «взлет индифферентности» у обоих супругов по мере накопления брачного стажа (после 8-10 лет семейного стажа практически вдвое уменьшается число и мужей, и жен, испытывающих радость сексуальной близости с супругом, и в 8 раз увеличивается среди них число испытывающих эмоциональное и физическое безразличие к брачному партнеру [1, с. 153-154]).

На основе исследования трансформации семейно-брачных ролей и изменений в сексуальной сфере российского провинциального населения сделаем следующие выводы.

1. В семейных практиках в российском обществе симметрично-эгалитарная модель отношений пока не утвердилась. Значительное влияние на сохранение и воспроизводство гендерного семейного уклада оказывают культурологические и социальные факторы, а экономические факторы стимулируют переход от семейной модели «с одним кормильцем» к модели «с двумя кормильцами». Повышение экономической независимости женщины, ее активный статус в сфере бизнеса предопределяют переоценку традиционного распределения ролей в семье и реализацию принципа «равных возможностей» во всех сферах жизни.

2. В сексуальных практиках наглядна связь между биологическими и социальными аспектами человеческой активности. Сексуальность как особая, относительно автономная сфера жизни человека является и средством социальной эмансипации и либерализации общества («революция женской сексуальной автономии» одновременно привела к перераспределению социальных и семейно-брачных ролей в обществе, стала предпосылкой реализации «равенства возможностей» как одного из принципов постсовременного общества).

3. Либерализация сексуальной морали в российском обществе проявляется в росте численности оправдывающих наличный добрачный опыт (вступление в сексуальные связи до заключения брака, легитимизирующийся женский добрачный сексуальный опыт, увеличение среднего числа сексуальных партнеров, толерантность к «параллельным» сексуальным связям (кроме супружеских или постоянного сексуального партнера); терпимость к представителям однополой («непродуктивной») любви; распространение практик «одноразового секса»; интенсификация женской сексуальной активности и др.).

4. В российском обществе устойчивым остается стереотип «двойной половой морали» (нормативным для мужчины принято считать экстенсивно-активный, а для женщины – интенсивно-пассивный характер сексуальной активности).

5. Гипертрофированная советская идеология коллективизма, в ущерб свободе индивидуального выбора, предусматривала вмешательство государства/общества в личную жизнь граждан. В советском обществе сфера личной жизни людей была социально контролируема, «открыта», доступна для коллективного давления. Интимная жизнь людей, соответственно, оценивалась в категориях благопристойности, коммунистической нравственности. Такие феномены, как супружеская неверность, добрачный сексуальный опыт, внебрачные сексуальные связи, внебрачная рождаемость, нетрадиционная сексуальная ориентация под давлением «официально направляемого» общественного мнения соотносились с социальными девиациями и подвергались осуждению и даже наказанию (последнее применялось к номенклатурным чиновникам, членам КПСС, ВЛКСМ).

6. Все вышеперечисленные феномены сексуальной сферы были институционализированы и в советском обществе. Однако есть существенные отличия:

– в советском обществе это тоже были массовые практики (не в том значении, какое придается термину «массовость» на уровне российского обыденного сознания, а в том, какое придавали институционализированным практикам авторы концепции институционализма П. Бергер, Т. Лукман и др.);

– в постсоветском российском обществе масштабы массовизации подобных практик расширены, и они легитимизированы (к ним сформировалось достаточно толерантное общественное мнение), тогда как в советском обществе им в такой легитимизации отказывалось.

7. Изменения в семейно-брачных отношениях и сексуальном поведении провинциального населения в наиболее обобщенном виде можно описать следующим образом:

– произошла институционализация новой формы брака – официально незарегистрированного. Такие браки превратились в массовые практики и легитимизированы в общественной оценке; вводятся соответствующие изменения в законодательство о семье, касающиеся некоторых социальных гарантий при возможном распаде подобных браков;

– существенным изменениям подверглась сфера интимной жизни людей (институционализированы такие практики, как супружеские измены, сожительства, одновременные сексуальные отношения с несколькими партнерами, «параллельные связи»);

– произошли изменения в сфере воспроизводства населения (рост внебрачной рождаемости как у родителей, состоящих в гражданском браке, так и в сожительстве; развитие контрацептивной культуры населения, усиление установок на малодетность);

– изменилась структура семейно-брачных ценностей («дети» уступают место «карьере», «материальному благосостоянию», «удовлетворенности супружескими отношениями»), что указывает на углубление процессов изменения социума.

8. Исследование изменений в семейно-брачных отношениях и сексуальном поведении российского, в частности, татарстанского, провинциального населения подтвердило выдвинутую нами гипотезу о преобладающем трансмутационном характере этих изменений.

Список литературы

1. **Голод С. И.** Сексуальность, гендер и семья: социологическая интерпретация (часть 2) // Человек. 2004. № 5. С. 152-159.
2. **Штомпка П.** Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
3. **Alexander M. G., Fisher T. D.** Truth and Consequences: Using the Bogus Pipeline to Examine Sex Differences in Self-Reported Sexuality // The Journal of Sex Research. 2003. Vol. 40. № 1. P. 27-35.

CORRELATION BETWEEN TRANSMUTATION AND TRANSFORMATION PROCESSES IN SEX-FAMILY-MARRIAGE AND SEXUAL RELATIONS OF PROVINCIAL POPULATION

Belyaev Vladimir Aleksandrovich, Doctor in Political Sciences, Professor
Kazan' Research Technical University named after A. N. Tupolev
vlad_belyaev@list.ru

Murtazina Liliya Robertovna, Ph. D. in Sociology
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan' (Volga Region) Federal University
lliliya-2007@mail.ru

The authors substantiate that the prevailing trend in the sex-family-marriage relations of provincial population is transmutation processes that do not devalue the values of marriage, family, and children. At the same time there is an increase in the proportion of radical transformation elements in these relations as a value component decay, as the transition from the value type of such relations and practices to the instrumental one, based on individualistic hedonism.

Key words and phrases: transmutation; transformation; emancipation; post-modern society; anti-sexualism; pro-sexualism; hedonism; child-free practice.

УДК 1/14:17

Философские науки

В статье раскрываются сущность и предназначение духовно-нравственной компоненты, формирующей стержневую основу внутреннего мира людей и способствующей активации их деятельности, направленной на самосовершенствование. Выявляется ее неоднозначный, парадоксальный характер. Анализируются различные подходы философов к дефинированию категориальных связей, образующих семантический каркас духовно-нравственных проявлений личности. Делается вывод о том, что подобные исследования приведут к лучшему пониманию человека.

Ключевые слова и фразы: внутренний мир человека; духовно-нравственная компонента; философские исследования; душа; дух; одухотворенность; духовность; нравственность.

Бирюкова Элеонора Алексеевна, д. филос. н., доцент
Новомосковский институт Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева
nsitkevich@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КОМПОНЕНТЫ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА[©]

В современных условиях взгляд философов обращен на антропологические проблемы в связи с происходящими трансформациями во всех сферах жизни людей и усложнением условий адаптации на фоне увеличения разного рода рисков и угроз их существованию. В этом плане в философско-гуманитарном сообществе остро ставится вопрос о более глубоком исследовании человеческой специфики, и его решение фактически связывается с необходимостью создания новой парадигмы человека [9, с. 168]. Особое место в ней должен занять философский анализ, направленный на рассмотрение духовно-нравственной компоненты, ибо она является стержнеформирующей основой внутреннего мира человека. Вокруг нее собираются другие морфологические компоненты самости людей, она способна их укреплять и сплачивать, объединять в одну целостность. Это важно, поскольку, как отмечает М. Г. Курбанов, в отличие от прошлых времен, характеризовавшихся синкретичностью жизненного процесса, нынешняя форма жизни «бесчисленным множеством сегментов, блоков, кластеров, фрагментов и осколков переполняет современного человека» [4, с. 92]. И в силу подобного раскола в циклах существования ослабляется, расшатывается организм человека, он нуждается в постоянном повышении степени устойчивости за счет укрепления внутреннего стержня.

Значительное внимание в данной парадигме следует уделить раскрытию сущности духовно-нравственной компоненты, которая пока остается до конца нераскрытой, из-за чего она характеризуется часто как парадоксальная и загадочная. Парадокс усматривается философами в том, что, если психическая компонента внутреннего мира базируется, в значительной мере, на развращении находящихся в потенциальном состоянии психо-ментальных возможностей организма людей, то реализация их духовно-нравственных свойств производится, чаще всего, им вопреки. Поскольку, как пишет В. Франкл, когда речь заходит о нравственных ценностях, то становится ясно, что «...дело не в осуществлении каких-либо возможностей, а, напротив, в осуществлении необходимости – того единственного, что нужно в данный